TROIS LOIS, par D. KOLTZOW.

Д. КОЛЬЦОВЪ.

ТРИ ЗАКОНА

Отдѣльный оттискъ изъ „Работника“.

Изданіе „Союза русскихъ соціальдемократовъ“

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза русскихъ соціальдемократовъ“.

1897

ИЗДАНІЯ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ

I. Библіотека Современнаго Соціализма

Первая серія:

Вторая серія:

II. Рабочая Библіотека:

ТРИ ЗАКОНА.

I.

Наше первое обозрѣніе было посвящено прошлогоднимъ стачкамъ. Указывая тамъ на ту роль, которую играли въ нихъ полиція, чиновники, войско и самъ царь, мы хотѣли этимъ самымъ обратить вниманіе рабочихъ на ихъ главнаго врага въ борьбѣ за улучшеніе своего положенія. Начиная рядъ стачекъ, русскіе рабочіе думали, что будутъ имѣть дѣло исключительно со своими хозяевами, а на дѣлѣ постоянно наталкивались еще на одного врага, и при томъ болѣе сильнаго, чѣмъ ихъ хозяева. Не знаемъ, насколько убѣдительна была наша рѣчь, но мы увѣрены, что условія русской жизни лучше многихъ статей убѣдятъ рабочихъ въ необходимости создать обширную рабочую организацію для борьбы съ правительствомъ. Поэтому насъ нисколько не удивило, когда у насъ оказался совершенно неожиданный помощникъ въ лицѣ министра финансовъ, г. Витте. Этотъ послѣдній, конечно, помимо своей воли, взялся доказать рабочимъ, что при современныхъ пра-

вительственныхъ порядкахъ имъ не удастся сколько-нибудь серьезно улучшить свое положеніе.

Около середины апрѣля 1896 г. почти во всѣхъ русскихъ газетахъ былъ напечатанъ слѣдующій циркуляръ министра финансовъ фабричнымъ инспекторамъ для сообщенія его управляющимъ фабриками и заводами*).

ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Секретно.

Министерство Финансовъ.
Департаментъ торговли и мануфактуръ.

Чинамъ фабричной инспекціи.

Случаи безпорядковъ въ текущемъ году на нѣкоторыхъ мануфактурахъ побуждаютъ меня обратить вниманіе ваше на эти печальныя явленія, нарушающія спокойное теченіе промышленности къ ущербу для фабрикантовъ и къ еще большему вреду для самихъ рабочихъ.

Безпорядки послѣдняго времени, какъ это раньше наблюдалось, были вызваны или тѣми переходящими съ фабрики на фабрику рабочими, которые по своимъ нравственнымъ качествамъ не могли себѣ пріобрѣсти прочнаго положенія ни на одной изъ мануфактуръ, или людьми, превратно понимающими интересы рабочихъ и стремящимися искусственно создать у насъ ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западѣ.

Эти люди, являющіеся злѣйшими врагами не только общественнаго порядка, но и дѣйствительныхъ интересовъ самихъ рабочихъ, тѣмъ опаснѣе, что они вносятъ въ среду рабочихъ смуту во имя отвлеченныхъ или завѣдомо ложныхъ идей, совершенно чуждыхъ народному духу и складу русской жизни.

Стоя близко къ фабричной жизни и зная, какъ легко толпа можетъ поддаваться подстрекательствамъ, вы должны обратить особое вниманіе на возможно частое разъясненіе рабочимъ всей незаконности ихъ дѣйствій, ведущихъ къ безпорядкамъ на фабрикахъ, и ихъ отвѣтственности за нарушеніе закона и порядка.

Въ нашей промышленности преобладаетъ патріархальный складъ

*) Кстати, циркуляръ этотъ мѣсяца на два раньше былъ напечатанъ въ главной газетѣ германскихъ соціальдемократовъ. Ужъ не тайный-ли сторонникъ соціальдемократическаго ученія г. Витте?

отношеній между хозяиномъ и рабочими. Эта патріархальность во многихъ случаяхъ выражается въ заботливости фабриканта о нуждахъ рабочихъ и служащихъ на его фабрикѣ, въ попеченіяхъ о сохраненіи лада и согласія, въ простотѣ и справедливости во взаимныхъ отношеніяхъ. Когда въ основѣ такихъ отношеній лежитъ законъ нравственный и христіанскія чувства, тогда не приходится прибѣгать къ примѣненію писаннаго закона и принужденія.

Способствуя и помогая этому доброму теченію всѣми зависящими отъ васъ мѣрами, дѣйствуя силою вашего нравственнаго авторитета, разъясняя рабочимъ значеніе всего полезнаго и добраго, что для нихъ дѣлается не по обязанности, а по христіанскому побужденію и изъ благородныхъ помысловъ, вы будете проявлять ту живую и плодотворную дѣятельность, которая, независимо отъ ея прямой пользы для другихъ, дастъ вамъ самимъ большее нравственное удовлетвореніе, нежели одно лишь нелицепріятное и строгое исполненіе обязанностей формальныхъ блюстителей закона.

Я поручилъ Департаменту Торговли и Мануфактуръ предложить вамъ слѣдить съ особеннымъ вниманіемъ за всякимъ проявленіемъ среди фабрикантовъ заботливости о рабочихъ и представлять описаніе учрежденій, устройствъ и порядковъ, имѣющихъ цѣлью благо рабочихъ, дабы, по опубликованіи ихъ затѣмъ во всеобщее свѣдѣніе, обратить на нихъ вниманіе остальныхъ фабрикантовъ и пробудить въ нихъ благородное соревнованіе въ слѣдованіи добрымъ примѣрамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ особеннымъ вниманіемъ вы должны слѣдить и своевременно доводить до свѣдѣнія Министерства Финансовъ о всѣхъ такихъ нездоровыхъ проявленіяхъ и неустройствахъ на фабрикахъ, которыя могутъ порождать безпорядки.

Какъ люди, ясно понимающіе важность лежащихъ на васъ обязанностей, какъ люди образованные и близко знакомые съ фабричнымъ бытомъ, вы должны пользоваться подходящимъ случаемъ, чтобы внушить рабочимъ, что не только незаконность притязаній, но даже стремленіе къ достиженію законныхъ правъ, но противозаконнымъ или насильственнымъ путемъ, будетъ неизбѣжно приводить не къ улучшенію, а къ ухудшенію ихъ положенія, ибо правительство, при такихъ обстоятельствахъ, не можетъ допустить осуществленія желаній рабочихъ даже въ томъ случаѣ, если бы фабриканты, подъ вліяніемъ угрозъ или по добродушію, изъявили согласіе на уступки, и что законъ призванъ одинаково ограждать справедливые интересы какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ.

Въ заключеніе не могу не выразить увѣренности въ благотворныхъ послѣдствіяхъ своего обращенія къ вамъ, такъ какъ съ особенно отраднымъ чувствомъ освѣдомлялся изъ вашихъ донесеній, что на

всѣхъ фабрикахъ, гдѣ происходили безпорядки, рабочіе, по разъясненіи имъ законныхъ ихъ обязанностей, внимали увѣщаніямъ фабричной инспекціи и другихъ мѣстныхъ властей, и немедленно становились вновь на работу. Я убѣдился также и въ томъ, что со стороны инспекціи были приняты всѣ разумныя мѣры къ скорѣйшему водворенію порядка: всѣ инспектора, въ особенности старшій фабричный инспекторъ Владимірской губерніи, принявшій на себя, съ моего разрѣшенія, отвѣтственный постъ временнаго директора-распорядителя фабрики и тѣмъ предупредившій распространеніе безпорядковъ на сосѣднія мануфактуры, проявили достойную похвалы распорядительность.

Что больше всего поражаетъ въ этомъ циркулярѣ, это — проповѣдническія способности г. Витте: изъ него вышелъ бы хорошій попъ, но онъ очень плохой министръ. Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, на многихъ русскихъ фабрикахъ разразился рядъ стачекъ, правительство принуждено было принять какія-либо мѣры для успокоенія волновавшихся рабочихъ. Подъ вліяніемъ этихъ волненій въ Россіи было создано фабричное законодательство. Нашлись, однако, тогда люди, насмѣшливо покачивавшіе головами при словахъ: „русское фабричное законодательство.“ „Эти законы только тогда могутъ имѣть какое-нибудь значеніе, говорили эти Ѳомы невѣрующіе, когда рабочимъ будетъ предоставлено участіе въ надзорѣ за фабричными порядками и возможность свободной критики дѣйствій фабричныхъ инспекторовъ.“ Словомъ, по мнѣнію этихъ людей, фабричное законодательство безъ политической свободы есть шарлатанская продѣлка и насмѣшка надъ рабочими. По условіямъ русской жизни, голоса этихъ людей не могли дойти до рабочихъ, которыхъ удалось на время успокоить. И вотъ, когда послѣ десяти лѣтъ ожиданія, рабочіе, наконецъ, поняли, что свои права имъ надо взять борьбой, и что законодательство, существующее на бумагѣ, вовсе не исполняется въ дѣйствительности, г. Витте, русскій министръ финансовъ, поспѣшилъ особымъ циркуляромъ подтвердить мнѣніе рабочихъ о нежеланіи и безсиліи русскаго правительства провести изданные имъ законы.

Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году на многихъ русскихъ мануфактурахъ произошли стачки или, какъ выражается г. Витте, „печальныя явленія, нарушающія спокойное теченіе промышленности“. Министръ финансовъ обязанъ позаботиться объ устраненіи этихъ „печальныхъ явленій“. Такъ какъ г. Витте не попъ и не проповѣдникъ, а государственный дѣятель, то онъ долженъ былъ бы указать рабочимъ и фабрикантамъ на фабричное законодательство, какъ на основу, которой и тѣ, и другіе должны держаться при разрѣшеніи возникающихъ недоразумѣній, или же позаботиться объ изданіи новыхъ законовъ, если старыхъ недостаточно для охраны чьихъ бы то ни было справедливыхъ интересовъ. Что же дѣлаетъ г. Витте? Совѣтуетъ-ли онъ фабричнымъ инспекторамъ, своимъ подчиненнымъ чиновникамъ, указывать фабрикантамъ на необходимость слѣдовать постановленіямъ закона? Объ этомъ ни одного слова въ циркулярѣ. А каково должно быть отношеніе фабричныхъ инспекторовъ къ рабочимъ? Не обязаны-ли они разъяснять рабочимъ, что по закону, на фабричную инспекцію возлагается „принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ недоразумѣній и неудовольствія и миролюбиваго соглашенія сторонъ“? И объ этомъ ничего не говорится въ циркулярѣ. Нѣтъ болѣе законовъ, охраняющихъ рабочихъ, но за то есть законы карающіе.

„Вы должны обратить особое вниманіе, говоритъ г. министръ, на возможно частое разъясненіе рабочимъ всей незаконности ихъ дѣйствій, ведущихъ къ безпорядкамъ на фабрикахъ и ихъ отвѣтственности за нарушеніе закона и порядка“.

Не напрасно-ли г. министръ затрудняетъ своихъ чиновниковъ? Вѣдь русскій рабочій уже привыкъ къ тому, что онъ узнаетъ о существованіи закона лишь тогда, когда полицейскій хватаетъ его за шиворотъ, чтобы потащить въ кутузку.

Чѣмъ же, однако, замѣняетъ г. Витте выброшенное имъ за бортъ фаб. законодательство? А вотъ послушаемъ:

„Въ нашей промышленности преобладаетъ патріархальный складъ отношеній между хозяевами и рабочими.... Когда въ основѣ такихъ отношеній лежатъ нравственный законъ и христіанскія чувства, тогда не приходится прибѣгать къ примѣненію писаннаго закона и принужденія“.

Хорошо пишутъ курскіе помѣщики и царскіе министры! Патріархальный складъ отношеній! Такія патріархальныя отношенія существовали у насъ во времена крѣпостного права. „Вы наши отцы, мы ваши дѣти!“ говаривали въ тѣ блаженныя времена крѣпостные мужички, низко кланяясь сердитому или милостивому барину. И „дѣти“ несли „отцамъ“ все, что зарабатывали своимъ тяжелымъ трудомъ, и даже больше того: своихъ женъ, дочерей, свою собственную жизнь. А въ награду за это баринъ зуботычинами и розгой напоминалъ своему холопу, что „баловаться“ ему не слѣдуетъ. Объ этомъ „золотомъ вѣкѣ“ съ грустью вспоминаютъ теперь всѣ тѣ, кому легко жилось на крестьянскихъ харчахъ. И наши фабриканты съ удовольствіемъ вернулись бы къ тому доброму старому времени, когда работника можно было заставить работать гдѣ угодно, что угодно и сколько угодно, о стачкахъ не слышно было, да и народу грамотнаго со свѣчей искать приходилось. Но прошлаго не вернешь. Крѣпостное право кануло въ вѣчность, а вмѣстѣ съ нимъ все болѣе и болѣе исчезаетъ столь милый сердцу г. Витте „патріархальный складъ отношеній“.

Г. Витте не говоритъ намъ, къ сожалѣнію, гдѣ онъ нашелъ такія отношенія. Приходится искать намъ самимъ. Всего лучше можно бы наблюдать эти отношенія тамъ, гдѣ рабочіе получаютъ отъ фабриканта квартиру, гдѣ при фабрикѣ имѣется лавочка*) для рабочихъ, словомъ тамъ, гдѣ фабрикантъ или его управляющій почти

*) Мы потому указываемъ здѣсь на лавочки и фабричныя жилища, что одинъ изъ подчиненныхъ г. Витте, главный фабричный инспекторъ. Я. Т. Михайловскій, въ своемъ докладѣ, посланномъ на выставку въ Чикаго, считаетъ существованіе фабричныхъ лавокъ и квартиръ при фабрикахъ однимъ изъ преимуществъ русской фабричной жизни передъ европейской и американской.

такъ же близокъ къ рабочимъ, какъ былъ нѣкогда помѣщикъ къ своимъ крестьянамъ. Полюбуемся, поэтому, на прелести нашихъ патріарховъ-фабрикантовъ.

Во время недавней стачки на фабрикѣ Торнтона (въ Петербургѣ) рабочіе жаловались, что за грязную, вонючую, тѣсную, опасную въ пожарномъ отношеніи конуру фабричная администрація взимаетъ съ нихъ по два рубля въ мѣсяцъ съ человѣка, тогда какъ во всемъ Питерѣ плата по одному рублю въ мѣсяцъ считается достаточной. А вотъ какъ обстоитъ дѣло въ Москвѣ:

„На всѣхъ большихъ мануфактурахъ жилыя помѣщенія представляютъ типичныя громадныя многоэтажныя казармы, съ центральными, сплошь и рядомъ чрезвычайно узкими, кривыми и темными коридорами, съ комнатами-„каморками“ по сторонамъ.... Въ каждой каморкѣ помѣщается двѣ, три и до семи семей... На большинствѣ фабрикъ найдено **страшное переполненіе** каморокъ..... Работая въ сильно испорченномъ воздухѣ, рабочіе, живущіе въ фабричныхъ казармахъ, тотчасъ переходятъ въ еще болѣе испорченный воздухъ своихъ спаленъ“*).

Квартира служитъ для фабриканта средствомъ для порабощенія, закрѣпощенія себѣ рабочаго, которому нельзя же не селиться по близости отъ фабрики, особенно, если онъ человѣкъ семейный. Вотъ оно что значитъ „патріархальныя отношенія“.

Не то-ли самое надо сказать о фабричныхъ лавкахъ? Почти при всѣхъ каменноугольныхъ копяхъ есть такія лавки. Интересно будетъ, поэтому, посмотрѣть, какъ велико благодѣтельное вліяніе лавокъ на углекоповъ. Вотъ что разсказываетъ авторъ одной изъ статей въ журналѣ „Новое Слово“.**)

„Средній заработокъ углекоповъ мѣрится двумя мѣрами: есть заработокъ **номинальный** (т. е. заработокъ только по имени, но вовсе не получаемый), достигающій 18-30 руб. въ мѣсяцъ, и заработокъ **реальный** (т. е. дѣйствительный, на самомъ дѣлѣ получаемый рабочими), равный 8-15 руб. Такая разница въ цыфрахъ по-

*) Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ, стр. 170 и слѣд.

**) Новое Слово, апрѣль 1896: „Какъ живутъ рабочіе въ каменноугольныхъ рудникахъ“.

лучается отъ того, что шахтерная администрація, не смотря на существующія условія, частенько, разсчитывая рабочихъ, подъ разными „благовидными“ предлогами, удерживаетъ часть заработка въ видѣ штрафа за прогулъ. Что же касается „получекъ“ (такъ называется день, въ который производится уплата денегъ рабочимъ), то таковыя затягиваются. Рабочіе же берутъ товаръ въ лавкахъ отъ шахты, изъ которыхъ отпускается „нужное“ на книжку не только по двойной, но и по тройной цѣнѣ противъ дѣйствительной стоимости товаровъ. Само собой понятно, что при такомъ способѣ расплаты рабочіе попадаютъ въ кабалу, которая хозяевамъ необходима, чтобы удержать шахтера долгое время въ „черной паутинѣ“.

Таковы прелести патріархальныхъ отношеній, среди которыхъ не послѣднюю роль играютъ штрафы и зуботычины. Для полноты картины не хватаетъ только розги, но министръ финансовъ пока обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ.

Въ основѣ отношеній фабрикантовъ къ рабочимъ, увѣряетъ насъ г. Витте, лежатъ нравственный законъ и христіанскія чувства. Но къ нашему сожалѣнію, г. Витте не приводитъ никакихъ доказательствъ въ пользу своихъ увѣреній. Пришлось намъ самимъ искать доказательствъ, но это оказалось не труднымъ: внимательное чтеніе русскихъ газетъ дало намъ больше, чѣмъ нужно, матеріала для сужденія, какъ о христіанскихъ чувствахъ, такъ и о высокой нравственности господъ россійскихъ предпринимателей. Этимъ матеріаломъ мы и подѣлимся съ читателемъ.

„Положеніе рабочихъ на соляныхъ промыслахъ астраханской губерніи весьма тяжелое, какъ по качеству работъ, такъ и по отношенію къ нимъ соледобывателей и подрядчиковъ, которые, пользуясь обиліемъ рабочихъ силъ, понижаютъ рабочую плату до минимума. Такъ, на Баскунчакѣ за выломку соли платятъ 0,5-1 коп. за пудъ, за подвозку къ полотну желѣзной дороги 0,2-0,6 коп. и за нагрузку въ вагоны 0,1 коп: за пудъ. На прочихъ промыслахъ за выломку соли съ выволочкой на берегъ платили 0,75-2 коп. за пудъ, въ среднемъ же — одну коп. Рабочихъ на соляныхъ промыслахъ Астраханской губ. въ общемъ отъ 2.500 до 3.000 человѣкъ“. (Астраханскій Листокъ, февраль 1896)

„Желѣзнодорожное движеніе (въ Новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губерніи) по случаю заносовъ, въ продолженіе 4-хъ сутокъ было

прервано. Рабочихъ найти было трудно, между прочимъ, потому, что рабочіе недовольны задержкой платы за работы, на что слышны постоянныя жалобы. За какіе-нибудь два-три дня работы приходится ждать уплаты по мѣсяцу и болѣе. Въ субботу на масляницѣ жандармы со станціи Мокрусъ, совмѣстно съ Ѳедоровскимъ старшиной, **выслали нѣсколько десятковъ рабочихъ** изъ Семеновки и сосѣднихъ селеній, уже **полицейскими мѣрами**, по особой таксѣ, причемъ жандармъ гарантировалъ имъ немедленную уплату денегъ за работу (по 70 коп. пѣшимъ); но гарантія такъ и осталась гарантіей. — Возвратившіеся рабочіе наивно объяснили своимъ домашнимъ, что деньги обѣщались выслать „по телефону“. (Русскія Вѣд. февраль 96 г.)

Въ „Астрах. Листкѣ“ помѣщено сообщеніе о бѣгствѣ цѣлой артели рабочихъ съ рыбныхъ промысловъ г-жи Сапожниковой. Подрядчикъ, нанимавшій ихъ на зимнюю путину — съ Николина дня до 1-го марта — увѣрилъ ихъ, что они будутъ подряжены фирмой и на вешнюю путину. Подрядчикъ выдалъ имъ задатки по 9 руб. на каждаго, десятый же рубль удержалъ въ свою пользу за посредничество. За всю зимнюю путину рабочіе должны были получить по 21 руб., а получили по 9 руб. Проработавъ до 27-го декабря, они узнаютъ, что на вешнюю путину наняты не будутъ.... По ихъ словамъ, обращеніе съ ними со стороны мелкой администраціи было самое грубое, почти жестокое, на нихъ смотрятъ хуже, чѣмъ на собакъ, администрація промысловая издѣвается надъ ними“.

Обираніе, обманъ рабочихъ, очевидно, первая христіанская заповѣдь, по катехизису г. Витте. Посмотримъ, какова вторая.

На рыбныхъ промыслахъ въ устьѣ Волги обращаетъ на себя вниманіе печальное состояніе врачебной помощи. „За исключеніемъ 14 промысловъ, принадлежащихъ двумъ крупнымъ фирмамъ, обезпеченныхъ постоянной врачебной помощью, на всѣхъ остальныхъ промыслахъ, съ массой рабочихъ на нихъ, нѣтъ и понынѣ постоянныхъ врачей; на немногихъ имѣются путинные врачи, посѣщающіе изрѣдка промыслы; на большинствѣ послѣднихъ путинные фельдшера и на немногихъ промыслахъ нѣтъ и фельдшеровъ. Въ общемъ, санитарныя условія рабочихъ на рыбныхъ промыслахъ р. Волги крайне неудовлетворительны“. (Рус. Вѣд., февраль 96 г.)

„Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. открыло массу неурядицъ, можно сказать санитарныхъ безобразій, свившихъ себѣ прочное гнѣздо на фабрикахъ и заводахъ. Рабочимъ приходится работать иногда въ такихъ помѣщеніяхъ, какъ напр., на

табачныхъ, спичечныхъ и другихъ фабрикахъ, гдѣ изслѣдователи не могли пробыть и одной минуты, температура тамъ иногда доходитъ 25·28° Р.*) воздухъ, благодаря отсутствію вентиляціи, до невѣроятности испорченъ и переполненъ вредною пылью, раздражающею глаза и органы дыханія. Объемъ воздуха, приходящійся на одного рабочаго, какъ въ мастерскихъ, такъ и въ жилыхъ помѣщеніяхъ, нигдѣ не достигаетъ нормы. Въ нѣкорыхъ случаяхъ содержаніе его доходитъ до 1/5 куб. саж. на человѣка. На многихъ фабрикахъ нѣтъ отдѣльныхъ спаленъ для мужчинъ и женщинъ. Водоснабженіе и удаленіе нечистотъ также поставлены въ невозможныя условія: рабочимъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ приходится пользоваться водой изъ совершенно загрязненныхъ всякими отбросами источниковъ, каковы пруды и глиняныя ямы; о какихъ-либо отхожихъ мѣстахъ во многихъ случаяхъ нѣтъ и помину. Замѣчено также недостаточное, а подчасъ и полное отсутствіе загражденій и прикрытій машинъ и приборовъ, что ведетъ къ поврежденіямъ рабочихъ и загрязненію воздуха вредною пылью или испареніями. Медицинская помощь за рѣдкими исключеніями вовсе не организована для рабочихъ. На одной маслобойкѣ женщины исполняютъ работу, на которую обычно употребляютъ лошадей; при этомъ хозяинъ наивно жалуется, что не всѣ женщины могутъ исполнять эту работу“. (Р. Вѣд., февр. 96.)

„2-го мая 1895 года приставомъ 3-го участка Сущевской части совмѣстно съ участковымъ архитекторомъ и врачемъ Флоринскимъ былъ произведенъ осмотръ перчаточной фабрики московскаго купца Тихона Дмитріевича Сорокина, на Тихвинской улицѣ, которымъ и обнаружены были въ высшей степени антисанитарное состояніе помѣщенія фабрики и недопустимыя по закону способы обработки кожи. Фабрика помѣщается въ каменномъ одноэтажномъ домѣ во дворѣ и состоитъ изъ трехъ отдѣленій. Въ первомъ отдѣленіи кожи вымачиваются сначала въ простой водѣ, потомъ въ соленомъ растворѣ, въ которомъ онѣ остаются до четырехъ недѣль, затѣмъ отжимаются, а при выжиманіи ихъ и соскабливаніи волоса и пленки грязная, зловонная жидкость стекаетъ въ деревянный, досчатый жолобъ, часгью прямо на полъ, очень ветхій и просачивается черезъ него въ подполицу, заражая почву. Соскобленный волосъ лежитъ кучками на полу и отъ поры до времени выносится на дворъ, гдѣ складывается у самыхъ воротъ фабрики, распространяя сильное зловоніе. Во второмъ отдѣленіи, въ сушильнѣ, тоже найдено много грязи. Въ третьемъ отдѣленіи, въ красильнѣ, кожи сначала вымачиваются въ человѣческой мочѣ, которая стоитъ тутъ же на столѣ

*) Нормальная температура для здороваго человѣка 12-15° Р.

въ большихъ чашкахъ, и потомъ уже красится. Моча вмѣстѣ съ краскою стекаетъ частью въ тотъ же жолобъ, который проходитъ и черезъ первое отдѣленіе, частью на полъ и просачивается черезъ него. Подъ поломъ этого отдѣленія оказался слой топкой и вязкой массы, толщиною въ четверть аршина, издающій запахъ кала. Зловоніе въ обоихъ отдѣленіяхъ такъ сильно, что непривычному свѣжему человѣку невозможно дышать. Все помѣщеніе фабрики очень тѣсно, для вентиляціи существуютъ только форточки, но онѣ совсѣмъ не отвѣчаютъ цѣли. Изъ жолоба, проходящаго черезъ всѣ отдѣленія, грязная, зловонная жидкость стекаетъ въ преемникъ во дворѣ. Дворъ содержится грязно, отхожія мѣста загрязнены до невозможности, сидѣнья сгнили и обвалились, такъ что ими невозможно пользоваться. Спальни рабочихъ, очень тѣсныя и грязныя, помѣщаются во дворѣ въ нижнемъ этажѣ двухъ-этажнаго корпуса мастерской, въ которой кроятъ и шьютъ перчатки. По стѣнамъ видны потеки жидкости, просачивающейся изъ верхняго этажа. Вода, взятая изъ устроеннаго во дворѣ колодца, оказалась совершенно негодною къ употребленію“. (Рус. Вѣд., ноябрь 95 г.)

Читатель! если ты до сихъ поръ думалъ, что среди христіанскихъ заповѣдей есть одна, говорящая о любви къ ближнему, то ты жестоко ошибался. **Возмутительная, прямо преступная небрежность по отношенію къ здоровью рабочихъ,** какъ оказывается, **вовсе не противорѣчитъ христіанской нравственности.** Мало того, **увѣчье, калѣченье, даже убійство не запрещены этимъ новымъ кодексомъ** (собраніемъ правилъ или законовъ) **нравствености,** какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующаго.

„На дняхъ въ сызранскую земскую больницу привезли рабочаго съ Печерскаго асфальтоваго завода. Несчастному взрывомъ пороха выпалило глазъ и сильно поранило въ двухъ мѣстахъ голову. На Печерскомъ заводѣ работаютъ простыми лампами-ночниками, что **представляетъ немалую опасность** при употребленіи въ работахъ взрывчатыхъ веществъ. Скважины заряжаются простыми неопытными рабочими. Нѣкоторые изъ опаленныхъ поступали въ больницу, большинство же лечится на заводѣ своими средствами. Не мѣшало бы заводу, въ рукахъ котораго находится такое выгодное производство, подумать объ обезпеченіи жизни рабочихъ, тѣмъ болѣе, что приспособленія для предупрежденія взрывовъ **ничего не стоятъ**“. (Сам. Газ., февраль 96)

16-го октября, въ 5 часовъ пополудни, на заводѣ анилиныхъ

красокъ графа Мусипа-Пушкина, расположенномъ на Охтѣ, произошелъ страшный взрывъ парового котла, которымъ **убило рабочаго**, случайно зашедшаго въ котельное отдѣленіе погрѣться. При осмотрѣ экспертами разорваннаго парового котла оказалось, что взрывъ произошелъ, главнымъ образомъ, отъ ветхости нижней части котла. Мастера завода и кочегары заявили, что они нѣсколько разъ въ теченіе этого года говорили управляющему заводомъ о негодности котла". (Рус. Вѣд., октябрь 96.)

„На ватную фабрику Евдокима Кудрявцева, находящейся въ Ершовсних Выселкаха, Рязанскаго уѣзда, вопреки существующимъ законоположеніямъ, былъ нанятъ 13-тилѣтній мальчикъ Иванъ Кряковъ. Мало того, мальчикъ былъ приставленъ къ ночной работѣ при машинѣ, назыв. „волчекъ". Въ одну изъ такихъ ночныхъ работъ работавшіе по сосѣдству съ Кряковымъ были вдругъ поражены сильнѣйшимъ, раздавшимся на потолкѣ, трескомъ, и въ то же время поднявшейся большой пылью, за которой ничего нельзя было разсмотрѣть. Потолокъ трещалъ, словно колотили по немъ сотнями молотковъ. Все это вызвало общій крикъ испуга. Машины всѣ были остановлены. Когда пыль нѣсколько разсѣялась, присутствовавшимъ на фабрикѣ рабочимъ представилась слѣдующая ужасная картина: Иванъ Кряковъ висѣлъ головою внизъ, запутавшись одной ногой въ передаточномъ ремнѣ, соскочившемъ съ рабочаго шкива при „волчкѣ". Голова Крякова была совершенно разбита, и вокругъ него, на ближайшей стѣнѣ, машинѣ и проч. виднѣлись куски мозга несчастнаго мальчика. По свидѣтельству фабричнаго инспектора, Кудрявцевъ тайно допустилъ на свою фабрику малолѣтняго рабочаго и поставилъ его при такой работѣ, которая всегда можетъ угрожать **смертью или увѣчьемъ** неопытному рабочему". (Р. Вѣд., мартъ 96)

„Въ маѣ мѣсяцѣ 1895 года, въ городѣ Ивановѣ-Вознесенскѣ, фабриканты Н. и Л. М. Гондурины занимались переносомъ машинъ и другихъ фабричныхъ приспособленій изъ стараго фабричнаго корпуса въ новый. 31-го мая рабочимъ предстояло спустить водяной бакъ, находившійся на балкахъ на высотѣ одной сажени отъ пола и имѣющій вѣсу 120 пудовъ. Спускъ бака предположено было произвести при помощи дамкрата, для котораго нужно было получить канаты изъ фабричной конторы. Десятникъ Крайновъ обратился къ фабричному приказчику Ивану Богову съ просьбой отпустить канаты; но Боговъ выдалъ Крайнову двѣ паковочныя веревки, изъ которыхъ одна была старая, а на замѣчаніе Крайнова о непригодности веревокъ для спуска бака Боговъ отвѣтилъ, что канаты отправлены на новую фабрику, туда же послать некого, но что и эти канаты „выдержатъ". О происходившемъ разговорѣ съ Боговымъ

Крайновъ сообщилъ плотникамъ, которые, сознавая грозившую опасность на случай паденія бака, устроили откосы. Въ это время на фабричный дворъ пріѣхали приказчикъ Боговъ и Н. Л. Гондуринъ, который, осмотрѣвъ работы, выразилъ свое неудовольствіе по поводу медленности работы и пригрозилъ плотникамъ, что имъ будетъ отказано отъ работы, если къ вечеру бакъ не будетъ спущенъ. На это требованіе плотники замѣтили, что имъ отпущены изъ конторы не канаты, а веревки, но Гондуринъ оставилъ это замѣчаніе безъ отвѣта и тотчас же съ фабрики уѣхалъ. Послѣ этого плотники, сознавая всю опасность, которой они подвергались, и находясь подъ вліяніемъ только что выслушанныхъ угрозъ, простились другъ съ другомъ и приступили къ работѣ. Но едва бакъ былъ поднятъ на веревки, какъ одна изъ нихъ оборвалась, бакъ упалъ и **придавилъ** плотника Александра Дунюшкина". (Рус. Вѣд., февраль 1896.)

„Въ силу обязательныхъ постановленій владимірскаго губернскаго по фабричнымъ дѣламъ присутствія такія операціи, какъ надѣваніе ремня на машину, должны производиться путемъ особой вилки (крючка), а не рукой. Но на фабрикѣ товарищества И. Гарелина съ сыновьями эти предосторожности не были приняты, послѣдствіемъ чего была **смерть одного изъ рабочихъ**. У несчастнаго, попавшаго въ машину, вырвало плечо и часть легкаго". (Русскія Вѣдомости февр. 96.)

„Перваго февраля администраціей Николаевской ст. (Самарской губерніи) желѣзной дороги для очистки пути отъ снѣжныхъ заносовъ около станціи „Рукополь" (отстоящей отъ Николаевска на 25 верстъ) были наняты рабочіе и въ числѣ ихъ николаевскій мѣщанинъ, Ѳедоръ Григорьевичъ Крюковъ. Рабочіе наняты были съ условіемъ, чтобы по окончаніи работы всѣ они были доставлены въ Николаевскъ по желѣзной дорогѣ безплатно. Окончивъ работу, рабочіе потребовали, чтобы ихъ доставили домой, для чего въ „Рукополѣ" къ паровозу былъ прицѣпленъ одинъ вагонъ 3-го класса, въ которомъ, не смотря на всевозможныя усилія, всѣ рабочіе помѣститься не могли. Въ просьбѣ прицѣпить второй такой же вагонъ рукопольское станціонное начальство отказало, предложивъ имъ садиться на открытый вагонъ, на которомъ возятъ камень, песокъ и лѣсъ, или идти пѣшкомъ. Рабочіе волей-неволей принуждены были ѣхать болѣе 25 верстъ на открытой платформѣ при сильномъ морозѣ и снѣжномъ буранѣ. Во время пути Крюковъ очень прозябъ. Пріѣхавъ утромъ 2-го февраля въ Николаевскъ, Крюковъ, чувствуя себя сильно нездоровымъ, заявилъ объ этомъ станціонному жандарму и затѣмъ, едва передвигая ноги, кое-какъ добрался до своего дома. 3-го февраля **Крюковъ умеръ**, оставивъ послѣ себя жену и

семь человѣкъ дѣтей безъ гроша денегъ и безъ куска хлѣба" (Самарскій Листокъ, февраль 1896 г.)

Мы чуть не забыли упомянуть еще объ одной христіанской добродѣтели, рекомендуемой капиталистами своимъ работницамъ. Когда работницы табачной фабрики Лаферма жаловались на недостаточность своего заработка, петербургскій градоначальникъ цинично замѣтилъ, что въ видѣ подспорья имъ остается еще **проституція.** Въ присланномъ намъ изъ Одессы описаніи положенія работницъ въ модныхъ и шляпныхъ мастерскихъ, между прочимъ, разсказывается о нахальныхъ приставаніяхъ, соблазнахъ и даже спаиваніяхъ, пускаемыхъ въ ходъ хозяевами или хозяйскими любимцами. Работницѣ дѣлаются всевозможные грязные и циничные намеки, что, молъ, все равно пропадешь. При разсчетѣ напр., хозяинъ или хозяйка старается содрать съ работницы рубль-другой. Работница вполнѣ вѣрно замѣчаетъ, что и безъ того на такіе заработки нельзя прожить.

— А мнѣ какое дѣло? получаетъ она въ отвѣтъ. Все равно, **на одно мое жалованье жить невозможно.** Такъ что безразлично, дамъ-ли я вамъ больше или меньше рублемъ.... И все это сопровождается грубымъ, циническимъ смѣхомъ. — Или работница послѣ каторжнаго, безобразно длиннаго рабочаго дня спѣшитъ домой.

— Куда вы такъ спѣшите? безцеремонно обращается къ ней хозяйка, еще успѣете....

На казенныхъ заводахъ, гдѣ своевременное вмѣшательство г. Витте, его „забота о нуждахъ рабочихъ и служащихъ" могла бы дать ему „большее нравственное удовлетвореніе, нежели одно лишь нелицепріятное и строгое исполненіе обязанностей" формальнаго блюстителя закона, положеніе рабочихъ нисколько не лучше.

„На самарскомъ **казенномъ** спиртоочистительномъ заводѣ работаютъ болѣе 200 человѣкъ рабочихъ. Для подачи медицинской помощи приглашенъ врачъ, который принимаетъ амбулаторно и прописываетъ больнымъ лекарства за ихъ счетъ, что **является крайне обременительнымъ для рабочаго**, **получающаго 7-10 руб. въ мѣсяцъ**. Между тѣмъ условія работы для здоровья рабочихъ на заводѣ далеко не изъ счастливыхъ. Рабочимъ приходится переходить

изъ одного отдѣленія въ другое съ разными температурами — отъ раскаленой атмосферы къ замораживающей. Это плодитъ ревматизмъ, лихорадки, горячки". (Рус. Вѣд., февраль 96 г.)

„Въ укупорочномъ отдѣленіи склада при самарскомъ **казенномъ** ректификаціонномъ винномъ заводѣ **работаетъ около 50 мальчиковъ** въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ. Работа ихъ заключается въ томъ, что они наклеиваютъ ярлыки на посуду и укупориваютъ ту же посуду. **Работаютъ они наравнѣ съ взрослыми**, по положенію съ 6 часовъ утра до 6 часовъ вечера, съ перерывомъ въ одинъ часъ для обѣда. Но **случается очень часто**, **что работа ихъ затягивается до 8 и 9 час. вечера**. Такимъ образомъ, эти мальчуганы работаютъ нерѣдко отъ 13 до 15 часовъ въ сутки, т. е. **даже выше нормы рабочаго времени для рабочаго взрослаго!.. Жалованья они получаютъ всего только 4 5 руб. въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ**, и за излишнее рабочее время имъ ничего не даютъ", (Сам. Вѣстн., февраль 1895 г.)

Теперь у насъ много говорятъ о воскресномъ отдыхѣ, и вотъ гдѣ г. Витте могъ бы доказать, что онъ самъ, по крайней мѣрѣ, чтитъ нравственный законъ и христіанскія чувства, давая возможность своимъ вѣрующимъ подчиненнымъ посѣщать церковь. **А между тѣмъ** вотъ что пишутъ по этому поводу:

„Далеко не всѣ приказчики пользуются воскреснымъ **отдыхомъ**; онъ — удѣлъ только приказчиковъ, служащихъ у купцовъ, **и неизвѣстенъ** многимъ и очень многимъ приказчикамъ въ **казенныхъ** винныхъ лавкахъ. Какъ извѣстно, казенныя винныя лавки **открыты** для торговли съ 7 час. утра до 11 ч. вечера въ городахъ, и до 10 часовъ въ деревняхъ, ежедневно, кромѣ тѣхъ немногихъ часовъ въ праздничные дни, когда въ мѣстной церкви идетъ обѣдня. **У этихъ** приказчиковъ **нѣтъ** времени сходить въ церковь ко всенощной, **нѣтъ** времени поговѣть, а объ томъ, чтобы въ гости сходить, и подумать нельзя. Почему этотъ классъ служащихъ лишенъ права праздничнаго отдыха, даже права ходить въ церковь въ великіе дни Страстной недѣли, и должны проводить ихъ за прилавкомъ. Почему?"

Таковы тѣ порядки, въ основѣ которыхъ, по мнѣнію г. Витте, лежатъ нравственный законъ и христіанскія чувства! Въ дѣйствительности, у современной буржуазіи есть свой богъ, называемый капиталомъ. На алтарь этого бога, котораго г. Витте состоитъ первосвященникомъ, приносятся въ жертву достоинство, здоровье и жизнь

человѣческая. И чтобы этимъ жертвамъ капиталистической жадности пріятнѣе было умирать подъ ножомъ жрецовъ новаго бога, ихъ стараются держать въ невѣжествѣ да пѣть лицемѣрныя пѣсни о великихъ завѣтахъ христіанскаго бога. Старая пѣсня, которая вездѣ и всегда поется правящими классами народу, когда онъ вздумаетъ выступить на борьбу за свои права! Это все та же старая пѣсня о смиреніи здѣсь, въ этомъ мірѣ, дабы получить вознагражденіе „тамъ, въ лучшей иной сторонѣ, гдѣ нѣтъ ни разлукъ, ни страданья". Это та старая пѣсня о сладости жертвъ, которой, по словамъ поэта, морочатъ ребенка-народъ, чтобы гнулъ онъ покорнѣе шею.

Я знаю ту пѣсню, я знаю, и кто
Ея сочинители были; —
Тянули тайкомъ они сами вино, —
А паству водою поили*).

Но г. Витте тянетъ свое вино даже не „тайкомъ". Поговоривши въ первой части своего циркуляра о христіанскомъ смиреніи господъ фабрикантовъ, министръ финансовъ самъ откладываетъ въ сторону всякое смиреніе и съ бранью набрасывается на рабочихъ, противопоставляющихъ гнилой христіанской морали свои человѣческія требованія. Рабочіе, претендующіе на болѣе человѣчную обстановку, на лучшее вознагражденіе за свой трудъ, на безболѣзненное и сытое существованіе, обзываются „злѣйшими врагами общественнаго порядка". Развѣ это по христіански, г. Витте? Въ видѣ утѣшенія Вы сулите намъ царство небесное. Но развѣ вы сами только о небесномъ помышляете? Мы хотимъ взять примѣръ съ Васъ и добиться царства небеснаго, здѣсь на землѣ, съ той, однако, разницей, что Вы въ своемъ эгоизмѣ вѣчно заботитесь только о своей собственной карьерѣ, мы же боремся за благо всѣхъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ.

*) Изъ поэмы нѣмецкаго поэта Генриха Гейне „Германія".

II.

Тридцать тысячъ петербургскихъ прядильщиковъ и ткачей дали надлежащій отвѣтъ на причитанія г. Витте.

Министръ финансовъ въ своемъ циркулярѣ хотѣлъ объяснить причину стачекъ, но въ этомъ отношеніи онъ пороху не выдумалъ: онъ повторяетъ тѣ же фразы, которыя много лѣтъ, даже вѣковъ повторяются всѣми правителями при всякомъ обширномъ народномъ движеніи. „Виноваты возмутители!" Мы надѣемся, однако, что во время петербургской стачки г. Витте убѣдился, что рабочіе слушаются своихъ товарищей-„возмутителей", а не его инспекторовъ, жандармовъ, полицейскихъ,—потому что они видятъ, насколько эти „возмутители" принимаютъ близко къ сердцу интересы рабочихъ, какой самоотверженной любовью къ угнетеннымъ и безправнымъ проникнуты они. Мы надѣемся также, что г. Витте понялъ, что онъ имѣетъ дѣло не съ неразумнымъ стадомъ, а съ тысячами мыслящихъ существъ, умѣющихъ столковаться, упорно отстаивать свои интересы, братски поддерживать другъ друга. Мы увѣрены, что г. Витте отлично видитъ, что имѣетъ дѣло съ зарождающейся, для Россіи еще новой, формой классовой борьбы, борьбы эксплуатируемыхъ противъ эксплуататоровъ, угнетенныхъ противъ угнетателей, что это уже не безпорядки, не безсмысленный бунтъ, а разсчитанная, обдуманная война противъ существующаго общественнаго строя, — война, которая, прежде всего, смететъ самодержавіе и его прислужниковъ.

Только этимъ пониманіемъ мы можемъ объяснить себѣ нервность г. Витте во время стачки. Когда онъ писалъ циркуляръ фабричнымъ инспекторамъ, онъ еще думалъ, что стоитъ засадить или сослать десятокъ-другой „возмутителей", и стачкѣ будетъ конецъ. Теперь г. Витте увидѣлъ, что дѣло серьезнѣе и потерялъ хладнокровіе.

Петербургскіе рабочіе потребовали прежде всего со-

кращенія рабочаго дня. И правительство, и фабриканты почувствовали, что раньше или позже надо будетъ уступить. Но г. Витте медлилъ: онъ не хотѣлъ, чтобы рабочіе подумали, что они принудили правительство на уступки. Самодержавное правительство, отступающее передъ рабочими, — отъ одной этой мысли приходили въ ужасъ всѣ охранители основъ. То-ли дѣло господа капиталисты! Они хоть и богаты, и сильны, а все-таки ведутъ себя смирно и чинно: заходя съ задняго крыльца, они униженно просили о новыхъ пошлинахъ, о новомъ покровительствѣ той или другой отрасли промышленности. Рабочіе же потребовали громко, во всеуслышаніе; уступка имъ была бы началомъ конца самодержавія. Съ другой стороны, это — опасная сила, съ которой шутить нельзя. Г. Витте, поэтому, рѣшилъ заняться вопросомъ о сокращеніи рабочаго дня, но такъ, чтобы рабочіе сочли министра финансовъ своимъ благодѣтелемъ, а не приписали себѣпобѣды надъ правительствомъ. Но господа фабриканты испортили министру игру: они сами заявили министру, что прежде всего необходимо сократить рабочій день. Министръ осердился на фабрикантовъ, такъ какъ въ его разсчеты не входило, чтобы фабриканты напоминали ему о его обязанности: правительство должно было показать, что „ему одинаково дороги интересы рабочихъ и фабрикантовъ“.

Искренни-ли были фабриканты? Мы этого не знаемъ. Въ другомъ мѣстѣ мы уже говорили о томъ, что крупнымъ промышленникамъ выгодно сокращеніе рабочаго дня, какъ выгодно имѣть грамотнаго и опытнаго рабочаго. Но съ другой стороны, возможно, что фабриканты разсуждали такъ же, какъ и г. Витте: имъ тоже хотѣлось показать рабочимъ, что имъ дороги интересы послѣднихъ. Послѣ петербургской стачки всѣ сердца воспылали страстной любовью къ рабочимъ.

Этой страстной любовью къ рабочимъ дышутъ и воззванія министра финансовъ и петербургскаго градоначальника къ петербургскимъ стачечникамъ. О христіанскомъ смиреніи больше не говорятъ, но за то

много прожужжали уши рабочимъ рѣчами о необходимости подчиненія государственнымъ законамъ. „Стачка — дѣло **противозаконное**“, трубилъ градоначальникъ. „Приступите къ работѣ, и всѣ ваши **законныя** требованія будутъ выполнены“, напѣвалъ г. Витте.

Чудаки, право! Можетъ-ли быть серьезная рѣчь о русскихъ законахъ и о повиновеніи имъ? Прежде всего, мы вѣдь всѣ отлично знаемъ, что законы эти составлены и изданы царскимъ правительствомъ. Спрашивали-ли нашего согласія при изданіи ихъ? Можемъ-ли мы, рабочіе, ждать чего-нибудь хорошаго отъ этихъ законовъ, изданныхъ нашими врагами? Ахъ, да! Мы знаемъ, царское правительство насъ любитъ и заботится о нашихъ интересахъ. Но скажите, пожалуйста, ради кого и чего лишаете вы насъ возможности соединяться съ нашими товарищами, свободно сговариваться и свободно учиться? Или, можетъ быть, ради нашего блага милліоны русскихъ обывателей живутъ подъ страхомъ позорнаго наказанія, именуемаго розгой? Вы заботитесь о насъ? Больше чѣмъ за мѣсяцъ до коронаціи мы читали ежедневно въ газетахъ цѣлый рядъ распоряженій о порядкѣ перенесенія царскихъ регалій въ Москву, о томъ, кто и какъ будетъ стоять или ходить при такомъ-то торжественномъ актѣ; но какія же мѣры вы приняли, чтобы не превратить Ходынское поле въ бойню для рабочаго люда? Увы! таковы всѣ ваши мѣропріятія и большинство вашихъ законовъ: они или направлены на ненужныя мелочи, или съ руками и головой отдаютъ слабаго въ руки сильнаго, бѣдняка въ когти богача. Мы не обязаны повиноваться законамъ, составленнымъ во вредъ намъ нашими врагами. Да вы и сами имъ не повинуетесь! Вы только намъ о нихъ напоминаете, надѣясь, что мы разсуждать не станемъ, но мы стали любопытны и прежде, чѣмъ совать голову въ петлю, зададимъ вамъ нѣсколько вопросовъ.

По чьей винѣ произошла Ходынская катастрофа? Слышали мы, что вы разыскали виновнаго въ лицѣ московскаго оберъ-полицмейстера. Но развѣ вы не чув-

ствуете, что главнымъ виновникомъ убійства является царское самодержавіе, лишающее народъ всякой самодѣятельности, отнимающей у него возможность позаботиться о собственной безопасности, о собственной жизни. Но вы съ нами несогласны, вы нашли виновника. Почему же его не судятъ публично, дабы народъ могъ узнать, кто дѣйствительный виновникъ этого страшнаго дѣла? Развѣ отставка и выговоръ достаточное наказаніе за убійство 6000 человѣкъ? И развѣ законъ, этотъ „святой" законъ, которымъ вы насъ попрекаете на каждомъ шагу, не одинъ для всѣхъ?

Еще спросимъ мы васъ — ужь извините за любопытство — имѣетъ-ли народъ по вашимъ законамъ право учиться, устраивать школы, библіотеки? Если да, (а мы увѣрены, что иначе и быть не можетъ), то почему назначаемые вами земскіе начальники то и дѣло запрещаютъ открытіе школы, отнимаютъ деньгы, собираемыя крестьянами на библіотеки, даже закрываютъ уже существующія школы? Чѣмъ объясняется слѣдующій фактъ, прочитанный нами на дняхъ въ одной изъ русскихъ газетъ?

„Въ Боровскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, говорится въ газетѣ, крестьяне села Новопокровскаго ассигновали болѣе 80 руб. на открытіе при мѣстной сельской школѣ библіотеки. Послали за разрѣшеніемъ, куда слѣдуетъ, и вотъ уже **другой годъ** ни привѣта, ни отвѣта. Та же исторія съ крестьянами с. Старой Покровки, ассигновавшими на библіотеку при школѣ 50 рублей. Та же исторія постигла и весь Боровскій уѣздъ, когда въ 1894 году боровское уѣздное земское собраніе съ помощью с.-петербургскаго комитета грамотности рѣшило открыть въ уѣздѣ нѣсколько народныхъ библіотекъ. Для открытія же читальни и библіотеки въ с. Коршевѣ А. С. Суворинъ пожертвовалъ 250 руб. Но постановленіе земскаго собранія вотъ уже два года не утверждается.

Та же исторія, прибавимъ мы отъ себя, повторяется не въ одной сотнѣ городовъ и селъ, разбросанныхъ по лицу земли русской. Почему? На основаніи какихъ законовъ? И чьимъ интересамъ служатъ эти законы? Во всякомъ случаѣ, не интересамъ рабочихъ, смѣемъ васъ увѣрить.

Знаемъ мы также, что русскіе законы не дозволяютъ выхода книгъ или газетъ безъ того, чтобы онѣ были представлены въ цензуру. Это, конечно, очень выгодно для правительства, которое можетъ заставить замолчать непріятные для него факты, но сомнѣваемся, чтобъ это было пріятно еще кому-нибудь. Мы знаемъ, напр., что о катастрофѣ на Ходынскомъ полѣ запрещено было писать что-либо, что не сходилось бы съ извѣщеніями въ „*Правительственномъ Вѣстникѣ*". Мы знаемъ, что во время петербургской стачки запрещено было писать о стачкѣ, о безпорядкахъ на фабрикахъ, объ отношеніяхъ между рабочими и хозяевами. Мы понимаемъ, что цензура вамъ выгодна, но ужь не взыщите, если мы направимъ всѣ наши усилія на то, чтобы сломить этотъ и подобные ему законы. Вы обзовете насъ „возмутителями", но противъ безчеловѣчныхъ порядковъ возмущеніе, бунтъ — святое дѣло.

Но оставимъ это. Вернемся къ цензурѣ. Цензоръ можетъ, по закону, выбросить то или другое, не нравящееся ему мѣсто или даже запретить всю книгу, но для этого необходимо, чтобы содержаніе ея было „противузаконно". Не такъ-ли? Послушайте, однако, что намъ сообщаютъ о похожденіяхъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, г. Соловьева. Послѣ появленія въ газетѣ „Недѣля" нѣсколькихъ статей въ защиту вѣротерпимости, написанныхъ довольно умѣренно, „Недѣля" получила второе предостереженіе, а Гайдебуровъ, редакторъ этой газеты, былъ призванъ къ Соловьеву, который заявилъ, что ему не нравится тонъ и стиль статей г. Меньшикова (автора вышеупомянутыхъ статей). Признаться, мы до сихъ поръ думали, что никакіе законы не предписываютъ газетамъ справляться съ тѣмъ, что нравится или не нравится г. Соловьеву*).

*) Надо признаться, что трусливость русскихъ либераловъ заслуживаетъ тѣхъ пинковъ, которые они получаютъ отъ всякаго начальства. Такъ, въ данномъ случаѣ Гайдебуровъ отвѣтилъ Соловьеву: „Если Вамъ не нравится, Ваше Превосходительство, то Меньшикова завтра же не будетъ у меня въ редакціи". И дѣйствительно, съ слѣ-

Еще болѣе курьезна придирка г. Соловьева къ „Биржевымъ Вѣдом.“, въ которыхъ ему не понравилась статейка о земскихъ начальникахъ нѣкоего Долина. Призвавъ къ себѣ редактора газеты, Соловьевъ сказалъ ему, что не желаетъ дальнѣйшаго появленія въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ статей Долина. Этотъ послѣдній былъ въ то время въ отпуску, и когда онъ вернулся въ Петербургъ, поѣхалъ къ Соловьеву просить разрѣшенія сотрудничать и впредь въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“. „Что въ моихъ статьяхъ нецензурнаго?“ спросилъ онъ у Соловьева. „У Васъ **точки** нецензурны“, былъ отвѣтъ. (Долинъ имѣлъ привычку заканчивать часто свои предложенія многоточіями.) — Симпатіи и антипатіи Соловьева (отнюдь не законъ) коснулись даже строго консервативнаго журнала „Русскій Вѣстникъ“, издававшагося когда-то нынѣ покойнымъ Катковымъ, однимъ изъ главныхъ столповъ самодержавія. Послѣ смерти Каткова наслѣдники его передали изданіе „Русскаго Вѣстника“ Товариществу „Общественная Польза“ на извѣстное количество лѣтъ. При этомъ Товарищество обязалось выпускать по номеру перваго числа каждаго мѣсяца; если же въ какой-нибудь мѣсяцъ не выйдетъ номеръ до десятаго числа, то Товарищество теряетъ право на изданіе журнала и, сверхъ того, уплачиваетъ неустойку въ размѣрѣ 2000 рублей за каждый годъ, остающійся до конца срока, на который заключенъ контрактъ. Товарищество сначала пригласило консервативнаго писателя Берга, а по его уходѣ былъ приглашенъ Стахѣевъ, бывшій когда-то либеральнымъ писателемъ. Главнымъ сотрудникомъ Стахѣева оказался нѣкій Медвѣдскій, человѣкъ совершенно необразованный, изъ провинціальныхъ актеровъ-неудачниковъ. Медвѣдскій, забравъ, по рекомендаціи Стахѣева, значительную сумму денегъ впередъ, занялся въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ литературными доносами на „Рус. Мысль“, „Русское Богат.“ и его цензора. Небывалый по наглости доносъ вызвалъ бурю негодованія во всѣхъ слояхъ русскаго общества и даже въ органахъ наиболѣе консервативныхъ. Товарищество „Общественная Польза“ принуждено было, чтобы не потерять всѣхъ подписчиковъ, обратиться къ Стахѣеву съ просьбой не помѣщать болѣе статей Медвѣдскаго. Въ отвѣтъ на это Стахѣевъ далъ мѣсто новому доносу Медвѣдскаго на писателя Михайловскаго и увеличилъ жалованье Медвѣдскому, на что не имѣлъ никакого права, такъ какъ это дѣло издателей. Товарищество попросило Стахѣева оставить должность редактора и представило Соловьеву для утвержденія консервативнаго писателя Татищева. Соловьевъ отвѣтилъ, что никого, кромѣ Стахѣева и Медвѣдскаго, въ редакторы не утвердитъ. Немедленно послѣ этого Стахѣевъ прислалъ Товариществу слѣдующее заявленіе: „Я назначаю себѣ съ сегодняшняго дня жалованье вмѣсто прежнихъ 250 руб. 500 руб. въ мѣсяцъ и требую, чтобы къ 12 часамъ дня 1-го сентября мнѣ на столъ были положены за прошлый мѣсяцъ 500 руб. Если же это не будетъ исполнено, то я отказываюсь подписывать сентябрьскую книжку. А такъ какъ я, кромѣ того, не совсѣмъ здоровъ, то поручаю редактированіе г. Медвѣдскому“. Это письмо Стахѣева было представлено Соловьеву съ просьбою позволить хотя одну книгу подписать кому-нибудь изъ членовъ Товарищества, дабы не пришлось платить неустойку и потерять право на изданіе. Отвѣтъ былъ все тотъ же: „Кромѣ Стахѣева и Медвѣдскаго никому не будетъ дано разрѣшенія подписывать“. И опять мы спросимъ, почему г. Соловьеву не напоминаютъ о существованіи закона? —

Читатель помнитъ еще, конечно, о жестокихъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались въ прошломъ году духоборцы. Если все это было совершено по закону, то тѣмъ хуже для вашего закона; если противъ закона, то зачѣмъ тычите вы намъ вашими законами, которыхъ

дующаго дня статьи Меньшикова перестали появляться въ „Недѣлѣ“. Мало того, черезъ нѣсколько дней „Недѣля“ расхвалила книгу Побѣдоносцева, противъ котораго были направлены статьи Меньшикова.

вы сами не исполняете? О страшныхъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергаются политическіе, мы говорить не будемъ: люди, начавшіе войну противъ деспотизма, были готовы на все. Но вотъ до насъ доходятъ извѣстія о преслѣдованіяхъ, направленныхъ противъ сторонниковъ ученія Толстого, противъ людей, совершенно отказывающихся отъ революціонной борьбы съ общественнымъ зломъ. Уже Александръ III хотѣлъ засадить Толстого, который сильно донималъ его письмами.*) Теперь Побѣдоносцевъ хлопочетъ передъ Николаемъ II о высылкѣ Льва Толстого за-границу. А вотъ какъ безчеловѣчно караетъ правительство одного изъ наиболѣе энергичныхъ пропагандистовъ ученія Толстого, князя Хилкова. Хилковъ сперва былъ сосланъ на Кавказъ, гдѣ онъ оказывалъ серьезное вліяніе на духоборское движеніе. Вслѣдствіе этого „вреднаго вліянія", онъ былъ переселенъ въ эстляндскую губернію, гдѣ и находится по настоящее время. Будучи болѣе строгимъ „толстовцемъ", чѣмъ самъ Толстой, Хилковъ не считалъ возможнымъ заключить церковный бракъ, ни крестить своихъ дѣтей. Мать Хилкова, одна изъ вліятельныхъ при дворѣ флейлинъ, добилась въ послѣдніе годы царствованія Александра III его указа, дозволившаго ей съ помощью полиціи отнять дѣтей у жены Хилкова. Дѣти были окрещены, получили фамилію князей Хилковыхъ и **лишены права видѣться съ отцомъ и матерью.** По воцареніи Николая II Толстой написалъ ему рѣзкое письмо, указывая на возмутительное попраніе правъ матери, и убѣждалъ возвратить дѣтей родителямъ. Николай II сдѣлалъ на письмѣ Толстого слѣдующую отмѣтку: „Царскія милости не отмѣняются, а милостью было незаконнымъ дѣтямъ дать фамилію князей Хилковыхъ". Несчастные родители! Какъ должны облегчаться ихъ страданія при воспоминаніи о томъ, чѣмъ они обязаны „царской милости". Что лучше: царская „милость", или царскій „законъ"?

*) Одинъ изъ бывшихъ преподавателей Николая II разсказывалъ, что ему приходилось слышать, какъ царскіе дѣти говорили: „Папа сегодня опять не обѣдаетъ; этотъ проклятый Толстой ему опять написалъ".

Лицемѣры говорятъ — и легковѣрные люди повторяютъ за ними — что есть среди русскихъ законовъ и такіе, которые охраняютъ интересы рабочихъ. Да, есть. Благодаря стачкамъ правительство вспоминаетъ иногда, что необходимо что-нибудь сдѣлать для рабочихъ. Но въ концѣ концовъ, все наше рабочее законодательство отдаетъ рабочаго всецѣло въ руки хозяина. Рабочему прежде всего нужна свобода. Безъ нея онъ рабъ хозяина, даже при самыхъ благопріятныхъ для него законахъ. Увеличенія заработной платы онъ можетъ добиться лишь борьбой съ хозяиномъ, а для этой борьбы ему необходимо имѣть право образовывать союзы, кассы и т. д. А законы? Кто слѣдитъ за ихъ исполненіемъ? Фабричный инспекторъ чаще всего тянетъ руку фабриканта, потому что интересы послѣдняго ему ближе, потому что его вліяніе на правительство сильнѣе, чѣмъ вліяніе рабочихъ. Фабриканту легко выжить болѣе или менѣе честнаго фабричнаго инспектора. Чтобы надзоръ за фабричными порядками могъ быть дѣйствительнымъ, не превращался бы въ обманъ, необходимо, чтобы сами рабочіе имѣли право и возможность слѣдить за выполненіемъ всѣхъ предписаній и преслѣдовать судомъ нарушителей ихъ. Приведенные нами въ первой главѣ факты показываютъ, какъ исполняется законъ на фабрикахъ. Помѣщаемыя въ настоящей книжкѣ прокламаціи даютъ намъ понятіе о томъ, какъ обстоитъ дѣло съ „закономъ" на фабрикахъ и заводахъ русской столицы. Еще хуже обстоитъ дѣло въ тѣхъ заведеніяхъ, на которыя власть фабричнаго инспектора не распространяется, такъ какъ нѣтъ причины, хотя бы внѣшнимъ образомъ, слѣдовать предписаніямъ закона.

Помѣщаемая въ этой книжкѣ статья о положеніи работницъ въ модныхъ и шляпныхъ мастерскихъ города Одессы даетъ намъ понятіе о той грубой ругани и брани, о тѣхъ униженіяхъ и оскорбленіяхъ, которыя приходится переносить бѣдной дѣвушкѣ за тотъ черст-

вый кусокъ хлѣба, который ей, какъ собакѣ, бросаютъ ея работодатели. 15-ти, нерѣдко 18-тичасовой рабочій день, низкій до невозможности заработокъ, и то рѣдко уплачиваемый цѣликомъ, — таковы порядки и такова законность въ городѣ Одессѣ, гдѣ возсѣдаетъ самый грозный изъ россійскихъ градоначальниковъ, гдѣ имѣются сотни полицейскихъ и всякихъ другихъ чиновъ, обязанныхъ слѣдить за соблюденіемъ закона.

Правда, оскорбленіе, обиду можно обжаловать въ судъ. Но гдѣ бѣдной, загнанной, безграмотной работницѣ судиться? Да вѣдь и судьи находятся въ зависимости отъ правительства и хозяевъ; правды у нихъ добиться не очень-то легко. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда дѣло доходитъ до суда, мы узнаемъ такія ужасныя подробности, что волосъ дыбомъ поднимается. Недавно въ Ялтѣ судили табачнаго плантатора, Мустафа Кадыева въ нанесеніи оскорбленій словами и дѣйствіемъ девяти работавшимъ у него дѣвушкамъ. Показаніями свидѣтелей подтвердилось, что

....„Кадыевъ кормилъ работницъ скверно, ‚билъ дюжо‘, ‚двѣ кофточки изорвалъ и тѣло сорвалъ‘, ‚ружьемъ билъ‘, ‚замертво билъ, за косы таскалъ‘, ‚по лицу ударилъ‘; послѣ побоевъ нѣкоторыя лежали безъ чувствъ; ‚топталъ ногами‘, ‚волочилъ по землѣ‘; одна дѣвушка послѣ побоевъ мѣсяцъ лежала въ больницѣ, — вообще, обращался грубо и ругалъ скверными словами“.

А вотъ и другой фактъ, заимствуемый нами изъ „Орловскаго Вѣстника“, лишній разъ показывающій, что на „законномъ основаніи“ можно человѣка и въ гробъ вогнать, и ни одинъ изъ блюстителей закона не пошевелится.

„13-го октября повѣсилась въ модной мастерской госпожи М. одна изъ ея ученицъ, дѣвушка 16-ти лѣтъ. Г-жа М. обращается со своими ученицами крайне грубо, безчеловѣчно: ругается нецензурными словами, бьетъ ученицъ чѣмъ попало, тычетъ въ лицо ножницами, стегаетъ простыней, свернутой жгутомъ и т. п. Особенно жестоко обращалась она со скромной дѣвушкой М.; обращеніе хозяйки до того запугало несчастную, что она со страхомъ и трепетомъ рѣшалась входить въ комнату хозяйки за полученіемъ работы, долго крестясь и творя молитвы, прежде чѣмъ отважиться на это. Легко

понять ужасъ дѣвушки, когда она нѣсколько запачкала по швамъ отданное ей для работы подвѣнечное платье (при 19-тичасовомъ рабочемъ днѣ менѣе, чѣмъ удивительно). Кромѣ обычныхъ „наказаній“ хозяйка грозила взыскать съ матери провинившейся полную стоимость платья (80 90 руб.). Доведенная до отчаянія, дѣвушка рѣшила покончить съ жизнью. Этотъ случай уже не первый въ мастерской г-жи М.“

III.

По поводу катастрофы на Ходынскомъ полѣ заграничныя газеты вспоминали о подобномъ же печальномъ случаѣ, сопровождавшемъ въѣздъ въ Парижъ будущей французской королевы, Маріи Антуанеты. Какъ извѣстно, лѣтъ черезъ двадцать послѣ этого французскій народъ возсталъ противъ своихъ угнетателей, королевская власть была отмѣнена, а самъ король поплатился головой за свои и чужіе грѣхи. Мы не вѣримъ въ предзнаменованія и не можемъ предсказать, такъ-ли кончитъ свою жизнь Николай II, какъ кончилъ ее Людовикъ XVI. Но если русскому самодержцу придется когда-нибудь предстать передъ народный судъ, то несомнѣнно, что жертвы Ходынскаго поля тяжелымъ камнемъ будутъ давить на вѣсы правосудія.

Стачка петербургскихъ бумагопрядильщиковъ и ткачей, начавшаяся вскорѣ послѣ Ходынской катастрофы, не вызвала никакихъ воспоминаній у газетчиковъ. А между тѣмъ вспоминать было о чемъ. И эти воспоминанія несомнѣнно интереснѣе разсказа о давкѣ въ Парижѣ при въѣздѣ туда невѣсты Людовика XVI. Можно было, напр., вспомнить, что семидесятые и восьмидесятые годы прошлаго столѣтія, т. е. канунъ великой революціи, ознаменовались цѣлымъ рядомъ стачекъ въ Ліонѣ, самомъ промышленномъ городѣ тогдашней Франціи; что подчасъ эти стачки принимали огромные размѣры, охватывая десятки тысячъ рабочихъ разныхъ отраслей промышленности; что правительство обыкновенно теряло голову въ такихъ случаяхъ, министры писали обращенія къ рабочимъ въ то самое время, какъ офицера, надѣясь на одобреніе высшаго начальства, пускали въ ходъ ружья и сабли; что, не смотря на

увѣщанія и жестокости властей, стачки продолжались, и только обѣщаніями позаботиться объ улучшеніи положенія рабочихъ правительству удавалось временно успокоить волновавшихся рабочихъ. Обѣщанія давались вовсе не съ тѣмъ, чтобы сдержать ихъ, и не мудрено, что стачки стали все чаще и чаще. Можно было еще вспомнить знаменитое возстаніе силезскихъ и богемскихъ ткачей наканунѣ революціи 48 года и прусскаго короля Фридриха-Вильгельма, приказавшаго стрѣлять „по собакамъ“.

Не для того, однако, возвращаемся мы къ этимъ воспоминаніямъ, чтобы предсказать близость революціи въ Россіи. Нѣтъ, въ данную минуту мы имѣемъ въ виду другое. Социальдемократическія партіи Франціи, Германіи и Австріи, достигшія теперь такой силы, съ гордостью оглядываются назадъ, на весь пройденный путь, и не безъ презрѣнія относятся ко всѣмъ этимъ приказамъ, указамъ и циркулярамъ прежнихъ и теперешнихъ министровъ. Жизнь оказалась сильнѣе королей и министровъ. Капиталистическій строй не можетъ не производить на свѣтъ пролетаріата; пролетаріатъ не можетъ не бороться за лучшее будущее. Пролетаріатъ — законное дитя буржуазіи и ея единственный наслѣдникъ. Таковъ **законъ историческаго развитія**, передъ которымъ безсильны попы и цари.

Г. Витте не признаетъ этого закона. Ему казалось, а можетъ быть, и теперь еще кажется, что во всемъ виноваты „возмутители“. До петербургской стачки г. Витте думалъ, что имѣетъ дѣло съ неразумнымъ стадомъ, безсмысленно слушающимся перваго встрѣчнаго. Петербургская стачка должна была его многому научить. Но все-таки онъ не съумѣлъ оцѣнить значеніе всѣхъ событій прошлаго года, на который съ гордостью могутъ глядѣть русскіе рабочіе. Они сразу выдвинули Россію изъ ряда варварскихъ странъ, какой она считалась доселѣ, и своей непоколебимой твердостью изумили міръ и привели въ трепетъ самодержавнаго царя. Въ то время какъ представители такъ-назыв. общества, наши

отцы-земцы еще трепетали отъ грознаго окрика молодого самодура и спѣшили поскорѣе проститься съ „безсмысленными мечтаніями", русскіе рабочіе сочли своимъ долгомъ послать „горячій привѣтъ своимъ французскимъ собратьямъ" въ годовщину провозглашенія Парижской Коммуны. Въ то время какъ властелины Европы, всѣ великіе міра сего холопствовали передъ новокоронованнымъ деспотомъ, пролетаріатъ Петербурга привелъ въ трепетъ всю эту знатную челядь и заставилъ самого царя отложить свой въѣздъ въ столицу, которую онъ доселѣ считалъ своей исключительной собственностью. Наконецъ, въ то время, когда вся буржуазная Европа готовилась съ почетомъ встрѣтить „высокую русскую чету", отправлявшуюся въ поиски за французскими милліонами, посланники русскаго пролетаріата на лондонскомъ международномъ конгрессѣ вмѣстѣ съ представителями пролетаріата всего міра протестовали противъ всѣхъ видовъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

И во всемъ этомъ, по мнѣнію министра, виноваты люди „безнравственные, превратно понимающіе интересы рабочихъ и стремящіеся искусственно создать у насъ ту печальную рознь, которая возникла между фабрикантами и рабочими на Западѣ".

Г. Витте имѣетъ удивительное понятіе о нравственности! Понятно, этихъ „безнравственныхъ" людей, проникнутыхъ самоотверженной любовью къ угнетеннымъ и эксплуатируемымъ, ждетъ самая тяжелая кара. Члены фабричной инспекціи должны внушить рабочимъ, что „не только незаконность притязаній, но даже стремленіе къ достиженію законныхъ правъ, но противозаконнымъ или насильственнымъ путемъ, будетъ неизбѣжно приводить не къ улучшенію, а къ ухудшенію ихъ положенія, ибо правительство, при такихъ обстоятельствахъ, не можетъ допустить осуществленія желаній рабочихъ даже въ томъ случаѣ, если бы фабриканты, подъ вліяніемъ угрозъ или по добродушію, изъявили согласіе на уступку".

Ну, что же? Продолжайте въ томъ же родѣ, г. Витте, проповѣдуйте, агитируйте: посѣянное Вами сѣмя дастъ богатый урожай. Чего не могутъ достигнуть разрозненныя усилія рабочихъ отдѣльныхъ фабрикъ, того можетъ добиться планомѣрная борьба организованной рабочей партіи. Каковы будутъ задачи этой партіи, это ясно ей говоритъ г. министръ: правительство не будетъ давать своего согласія на уступки фабрикантовъ. Очевидно, это согласіе придется у него завоевывать, и когда подъ напоромъ общихъ силъ рабочихъ организацій рухнетъ самодержавіе, рабочіе, можетъ быть, съумѣютъ оцѣнить агитаторскія способности г. Витте, а этотъ послѣдній, навѣрное, убѣдится, что циркулярами не остановить исторіи.

Настоящая статья была уже набрана, когда мы получили извѣстіе о новой стачкѣ въ Петербургѣ. Къ 1-му января петербургскіе ткачи и прядильщики ожидали введенія обѣщаннаго имъ во время лѣтней стачки 12-тичасоваго рабочаго дня. Такъ какъ обѣщаніе не было исполнено, то 2-го января послѣ полудня бросили работу рабочіе двухъ фабрикъ Максвеля, въ количествѣ 5000 человѣкъ. 3-го и 5-го января происходили экстренныя засѣданія совѣта министерства финансовъ, и 7-го на всѣхъ ткацкихъ и прядильныхъ фабрикахъ появилось объявленіе, подписанное фабричнымъ инспекторомъ, и извѣщающее всѣхъ рабочихъ, что съ 16-го апрѣля рабочій день будетъ продолжаться съ 6 часовъ утра до 7 час. вечера, съ полуторачасовымъ перерывомъ для обѣда*). Итакъ, уступка рабочимъ, г. Витте?

*) Рабочіе, впрочемъ, недовольны этой уступкой. До 9-го января

Уступка, несмотря на „противозаконный или насильственный путь“. Не признаете-ли Вы теперь свое безсиліе, г. Витте? Вѣдь не прошло еще года, какъ Вы писали свой грозный циркуляръ противъ „возмутителей“. А теперь? Теперь вамъ удалось совершить то, въ чемъ гоголевскій городничій напрасно упрекалъ унтер-офицерскую вдову: Вы сами себя высѣкли!

къ стачкѣ примкнули рабочіе фабрикъ Штиглица, Калинкинской и Екатериненгофской мануфактуръ и Александровскаго чугунно-литейнаго завода. Все „безнравственные“ люди, рѣшившіеся терпѣть холодъ и голодъ, чтобы завоевать себѣ болѣе сносное существованіе.

---

50 centimes.

LIBRAIRIE
DES PROFESSEURS ET INSTITUTEURS
E. LAMOTTE & Félix MALTERRE
70, Rue Claude-Bernard. PARIS V^{e}

Складъ изданій при типографіи: Ch. de la Roseraie, 19.